

Я не принадлежал к числу охлопковских любимцев, как С. Мизери, А. Лазарев, Э. Марцевич, И. Охлупин. Но зато я принадлежал к его пос-

леднему «призыву». Где-то в конце 50-х — начале 60-х годов Охлопков совершил невероятную акцию. Он набрал целое поколение молодых актеров, порядка 15—20 человек, и с ними создал несколько спектаклей.

В то время как МХАТ находился во власти «стариков» — в «Трех сестрах» на сцену выходили 60-летние актеры — Охлопков доверял нам целые спектакли! Если спросить, какое качество Николая Павловича я считаю главным, я бы сказал — неотразимое обаяние, в котором всегда были праздничность, молодость, веселье. От общения с ним исходила уверенность, что это будет талантливо, что спектакль выведет тебя в мир яркой театральности, в котором нет места скуке, унынию и обыденности.

Для меня Охлопков — кумир экрана (достаточно вспомнить «Александра Невского», «Повесть о настоящем человеке», «Ленина в Октябре»). Николай Павлович был красив: седой, всегда в элегантном костюме, французский галстук, духи. Думаю, женщины-актрисы шли к нему на репетицию, как на свидание.

Моя первая встреча с Охлопковым произошла так. К тому времени я уже два года работал в Рижском театре русской драмы. Я пришел в театр, встретился с завтруппой С. Л. Морским и режиссером М. Ф. Дудиным, подписал договор. Мне говорят, что Охлопков хочет со мной поговорить. Я поначалу его искал, мы столкнулись в коридоре. Я говорю: «Здравствуйте, Николай Павлович!». Никогда не забуду, с какой доброжелательностью он ответил: «Здравствуй, ну, вот, какой ты хороший!». Я почему-то обнял его, он меня тоже (это при поступлении-то в театр!). И сразу: «Вводись! — назвал несколько ролей, — а с осени начнем по-настоящему». Он умел окрылять...

Охлопков приглашал не только молодых актеров, но и молодых режиссеров. Он од-

ним из первых в стране открыл Малую сцену спектаклем «Смерть Тарелкина» в постановке Петра Фоменко. Это

произошло в сезоне

1965—1966 гг. Роль Тарелкина играл А. Эйбоженко, Расплюева — я. Это было огромное доверие молодым актерам. Конечно, для «прикрытия» первым составом назначили Свердлина и Левинсона, но Фоменко

ориентировался на молодежь, и старики скоро сами отошли. У новой постановки были недоброжелатели и внутри театра, и вне. Слишком уж ассоциативной была пьеса: допросы, полицейский застеночек, дорога по этапу. И вот просмотр: пришел Охлопков и уничтожил все «мнения». Он сказал буквально следующее Фоменко: «Вы сделали то, о чем я мечтал, — Малую сцену. Можете называть себя моим учеником». Леша Эйбоженко: «Вы — пер-

вым номером!», а мне: «Ты, Женя, в роли Расплюева создал маску». И после этого все немедленно «присоединились», стали поздравлять с удачей.

Сейчас в театрах используется много приемов: актеры ходят по зрительному залу, летают на канатах, на сцене двигаются платформы, что-то взрывается. Тогда этого не было ни у кого, все подражали искусству МХАТа. И только у Охлопкова ходили по залу, летали на канатах. Но Николай Павлович был смелым не только в области формы. В начале 50-х годов он поставил «Гамлета», когда Шекспира почти не ставили вообще. Он показал «Гостиницу «Астория» — спектакль о культе личности. И в то же время у нас шел спектакль «Аристократы», великолепный по форме и чудовищно живой по содержанию — вынужденная плата тому страшному времени.

Николай Павлович Охлопков был блистательным советским, именно советским, режиссером. Я думаю, главное, он сумел пронести через годы страха и лжи эстетику и образность своего расстрелянного Учителя Всеволода Эмильевича Мейерхольда, не дал умереть уникальному театру!

Евгений ЛАЗАРЕВ

Мой Охлопков

1995 4 мая 41